

А.А. Жукова

Идейные основания проекта «православной интеллигенции» Н.А. Бердяева*

Жукова Алина Андреевна – аспирант Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4; e-mail: aazhukova@hse.ru

Статья посвящена проекту «православной интеллигенции» Н.А. Бердяева, вопрос о возможности существования которой был поставлен в статье «Существует ли в православии свобода мысли и совести?» (1939), опубликованной в защиту Г.П. Федотова в ситуации его конфликта со Свято-Сергиевским богословским институтом в Париже. Цель работы – выявить, на каких идейных основаниях базируется бердяевский проект новой духовности, носителем которой должна стать интеллигенция. Автор статьи применяет методологию интеллектуальной истории, которая позволяет рассмотреть проект «православной интеллигенции» Бердяева как способ обоснования творческого смысла православия и необходимости реформирования церковной общности на ином понимании идеи соборности, которая должна включать в себя ценности христианского гуманизма. В статье рассматриваются историософские аргументы Бердяева, позволяющие ему утверждать духовно-культурную значимость феномена интеллигенции как истинного носителя гуманизированного творческого православия. Делается вывод, что Бердяев сближает идею творчества во Христе с культурными задачами интеллигенции и настаивает на том, что православная интеллигенция возможна только при внутренней духовной реформе православия как религиозной традиции и церкви как социального института.

Ключевые слова: интеллектуальная история православия, русская интеллигенция, соборность, Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, христианский гуманизм, философия свободы, историософия

В мае 1939 г. Н.А. Бердяев публикует в журнале «Путь» полемическую статью «Существует ли в православии свобода мысли и совести?», в которой он выступает в защиту Г.П. Федотова в его конфликте с правлением Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже. Со стороны правления Федотову было вынесено порицание с требованием или покинуть Богословский институт, или прекратить публиковать статьи на политические темы в левых журналах. В настоящее

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

время в научной литературе статья Бердяева рассматривается преимущественно с точки зрения последствий для конфликта и реакции на нее участников [Войтенко, 2018; Бычков, 2008]; иногда она попадает в поле зрения исследователей, осуществляющих реконструкцию социально-политических взглядов мыслителя, в частности его консерватизма [Макарова, 2023]. Ярким свидетельством драматической ситуации конфликта, затронувшего чувствительные моменты жизни русских интеллектуалов-эмигрантов, является реакция жены Бердяева. В своем дневнике Лидия Юдифовна сравнивает эффект от выхода статьи со взрывом бомбы: «...очень рада, считаю историю с Федотовым – провиденциальной. Давно пора покончить счеты с людьми, прикрывающимися Церковью для целей, ничего общего с христианством не имеющими, из религии делающими рассадник мракобесия» [Бердяева, 2002, с. 180]. При этом она подчеркивает возбужденное и боевое настроение самого Бердяева, который ждет развития событий.

На мой взгляд, эта запись в дневнике открывает второе измерение, в котором может быть рассмотрена статья Бердяева, – «взрывом бомбы» она была разве что в рамках конфликта. Если же анализировать эту статью как внутреннее событие творчества Бердяева, то можно увидеть и убедиться, что тезисы, высказанные в ней, не новы, они выражают давнюю и устойчивую позицию философа – его общую критическую настроенность по отношению к Церкви. Доводом в пользу того, что Бердяев данной статьей стремился не просто защитить Федотова, но и еще раз прояснить свое мнение и отношение к данной проблеме, может быть отрывок из письма Федотова Бердяеву от 30 мая 1939 г.: «...ваша статья... доказывает слишком много и защищает не только свободу, но и “левую” свободу. Это сужает круг лиц, на сочувствие которых можно было бы рассчитывать» [Бычков, 2008, с. 365]. Действительно, Бердяев стремится доказать слишком многое – в статье он обсуждает широкий круг религиозных и религиозно-политических проблем, связанных со свободой мысли и совести и их признанием христианскими конфессиями, а также с межконфессиональными спорами на эту тему. Насущный же вопрос, напрямую относящийся к конфликту, следующий: «Может ли православный, оставаясь профессором православной духовной школы, быть демократом, социалистом, быть защитником свободы, социальной справедливости, достоинства человека?» [Бердяев, 1939а, с. 46]. Тем самым Бердяев фактически ставит вопрос о возможности существования «православной интеллигенции».

Этот вопрос для Бердяева личный, имеющий экзистенциальный смысл, эмоционально обостренный с момента вынужденной эмиграции. В «Самопознании» он сетует на свои разногласия с эмиграцией, в частности с православными деятелями, случившиеся почти сразу после первых докладов в Религиозно-философской академии. Бердяев высказывает недовольство реакционностью церковных кругов и общности [Бердяев, 2022, с. 334]. По наблюдениям С.Л. Франка в письме жене от февраля 1926 г., Бердяев расходится во взглядах с большинством прежних коллег (в частности, с П.Б. Струве, о. Сергием Булгаковым, В.В. Зеньковским): «...по его мнению, все презирают свободу и смелость мысли, хотят быть традиционными православными и боятся всякой свободной мысли» [Гапоненков, 2023, с. 21]. Признавая частично его правоту, Франк тем не менее замечает, что Бердяев «сам впал в рецидив интеллигентских исканий, дерзновений и чересчур гордится своей смелостью и независимостью» [Там же], а его статью «Спасение и творчество (два понимания христианства)» так и вовсе называет еретической и полной интеллигентской гордыни, занимая значительно более умеренную позицию. Можно говорить, что уже на раннем этапе эмигрантской жизни Бердяев оказывается обособленным в близкой ему религиозно-философской среде, и ключевым вопросом здесь становится взгляд на православную традицию в ее формах культуры и организации церковной жизни.

Православие как проблемный концепт в творчестве Н.А. Бердяева

Расхождение Бердяева с традицией официального православия нередко, действительно, объясняется неортодоксальностью его взглядов на христианскую онтологию, однако сопоставление его идей с церковными догматами малопродуктивно, поскольку сам Бердяев никогда не относил свои взгляды к «традиционному православию». Для него была важна самоидентификация как христианского православного философа, но за пределами школьного богословия, на чем он настаивает в «Философии свободного духа» [Бердяев, 1994, с. 15–16]. В исследовательской литературе биографические аспекты христианского пути Бердяева изучены достаточно хорошо. Так, например, историк русской философии С.М. Половинкин говорит об обращении Бердяева к Христу, исповеди и причастии у протоиерея Алексея Мечёва в церкви на Маросейке, о влиянии на него идеи «нового религиозного сознания», противопоставлении «мистического» и «исторического» христианства, неприятию ограничений церковью свободы слова и о духовном пути вплоть до выступления в защиту прот. Сергия Булгакова в 1935 г. [Половинкин, 2017]. Однако, когда автор переходит к анализу воззрений Бердяева на православие, возникают одновременно два искажения – определенная пристрастность, неаргументированное привнесение в исследование собственных взглядов на религию, а также подмена понятия «православие» понятием «христианство». На первое искажение обращает внимание И.И. Павлов: анализируя подходы к проблеме «Бердяев и православие» таких отечественных исследователей, как С.М. Половинкин, И.И. Евлампиев, П.П. Гайденок и И.В. Воронцова, он обнаруживает, что все они недостаточны из-за религиозной ангажированности этих авторов и ограниченности научного аппарата [Павлов, 2022]. При этом, как замечает Т. Оболевич, для людей, незнакомых с восточным христианством, статья Бердяева «Истина православия», напротив, часто становится кратким введением в православие [Obolevitch, 2020, p. 73], и поэтому на Западе его считают православным философом.

Определенную сложность представляет то, что православию предметно Бердяев посвящает не так много текстов, как христианству. Если посмотреть на библиографию Бердяева, собранную Тamarой Клепининой, то по заголовкам, в которых появляется понятие «православие», и языку работ можно проследить, как менялись адресаты статей. До Революции 1917 г. он пишет две статьи на русском языке: «Стилизованное православие» (1914) и «Возрождение православия» (1915). В первой из них Бердяев обсуждает книгу о Павла Флоренского «Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах», отмечая, что такая интерпретация православия не удовлетворит ни старое православие, ни новое религиозное сознание. Вторая статья посвящена памяти религиозного мыслителя, последователя славянофилов, Н.Ф. Фёдорова. Одна из ценностей его философии, которую подчеркивает Бердяев, – учение об активности человека, внесение в христианство активного антропологизма, противоположного этике смирения [Бердяев, 1989а, с. 274–275], что характеризует Фёдорова как носителя нового сознания, а не исторического православия.

В эмиграции до статьи 1939 г. в защиту Федотова Бердяев выпускает о православии три заметки на иностранных языках, на русском они не публиковались. В первой из заметок с заголовком “Orthodoxie und Oekumenzitat” в журнале “Una Sancta” Бердяев обсуждает различные понимания вселенскости, настаивая на том, что именно в православии есть почва для вселенского христианского единства – духовная свобода, соборность в форме духовного коллективизма и эсхатологический характер [Klépinine, 1978, № 327]. О содержании двух других статей можно узнать только по заголовкам в библиографии – в 1929 г. в русско-немецком религиозно-

философском журнале “Orient und Occident” Бердяев публикует статью о кризисе протестантизма и русском православии [Klépinine, 1978, № 341], а в 1931 г. в “Fellowship Journal” выходит его статья о проблеме христианской культуры в православном сознании [Ibid. № 360]. По-видимому, привлечение внимания читателя к православию еще на уровне заголовка было важно для Бердяева до определенного времени только при обращении к аудитории, не знающей русского языка. И, наконец, после долгого перерыва, в 1939 г. Бердяев публикует статью «Существует ли в православии свобода мысли и совести?», на этот раз на русском языке, после этого о православии он говорит лишь единожды – в упомянутой выше статье «Истина православия».

Чтобы избежать проекции религиозного мировоззрения автора на исследование, И.И. Павлов предлагает иную методологическую перспективу, которая, на мой взгляд, может быть продуктивной и при рассмотрении проекта «православной интеллигенции» у Бердяева. Заимствуя понятие Кембриджской школы (Кв. Скиннер, Дж. Покок и др.), он пытается исследовать проблему православия у Бердяева с точки зрения интеллектуальной истории православия, а именно как «изучение наличных в истории дискурсов о православии, находящихся в различных отношениях к тем или иным церковным организациям и религиозным практикам» [Павлов, 2022, с. 92]. «Православная интеллигенция» и есть подобный дискурс. В случае Бердяева Павлов выделяет две основные дискурсивные стратегии, применяемые философом: критика официальной православной церкви как конфессии и участие в «борьбе за именование» (термин Г. Люббе) православия. Как замечает исследователь, в процессе борьбы «именно свободная философия самого Бердяева, а не официальное богословие церковной иерархии, устанавливает, чем же православие является» [Там же, с. 94]. На мой взгляд, данная методология позволяет не только прояснить содержание, которое Бердяев вкладывает в понятие «православие» в эмигрантских текстах, но и определить, как Бердяев доказывает, что именно интеллигенция – истинный носитель этого православия.

Интеллигенция как культурный феномен и предмет историософского анализа Н.А. Бердяева

Остановившись на обвинении Г.П. Федотова в принадлежности к «интеллигенции», Бердяев сетует на невежественность молодежи и, что становится очевидным из контекста, правления института, выдвинувшего данное обвинение, в вопросе смысла и истории понятия «интеллигенция» [Бердяев, 1939а, с. 49]. Сам Бердяев обращается к историософии интеллигенции на протяжении всей жизни, начиная с «Критического этюда о Н.К. Михайловском» (1901), продолжая развивать эту тему в веховских дискуссиях. Она становится определяющей в его дискурсе о философии российской истории – речь в первую очередь идет о статье «Философская истина и интеллигентская правда» (1909), опубликованной в сборнике «Вехи», а также об авторском сборнике «Духовный кризис интеллигенции» (1910). В начале XX в. это широкое обсуждение проблемы интеллигенции было вызвано дискуссиями о «новом религиозном сознании» в рамках заседаний Религиозно-философских обществ, в частности Петербургского, руководители которого в лице Д.В. Filosofova и Мережковских стремились не просто к теоретическому обсуждению религиозных вопросов, как, например, участники Московского общества, но к практическому созданию, воспитанию «религиозной общественности» из народа силами интеллигенции [Ермичѳев, 2013]. На эти дискуссии реагирует Бердяев, и за период с 1905 по 1916 г. в разработке понятия «новое религиозное сознание» он проходит путь от четкого следования идеям Мережковского [Бердяев, 1905] до выработки автор-

ского содержания концепции в «Смысле творчества» [Бердяев, 1916]. Бердяев интeриоризирует в рамках своей философии данное понятие, оно становится «полемиически заостренным против Мережковского, с религиозной и политической практикой которого Бердяев стремился размежеваться» [Павлов, 2023, с. 94]. Тем не менее после Революции Бердяев от этого понятия отказывается в пользу собственной синонимичной терминологии.

В эмиграции Бердяев продолжает развивать историософию русской интеллигенции, переходя от критики к анализу причин, приведших ее к трагедии Революции. В поздних историософских сочинениях «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937) и «Русская идея» (1946) можно проследить явное влияние на Бердяева статьи Г.П. Федотова «Трагедия интеллигенции» [Федотов, 1927]. Однако стоит подчеркнуть и имеющиеся расхождения в оценке интеллигенции у Федотова и Бердяева.

Согласно определению Федотова, интеллигенция идейна и беспочвенна, она всю свою историю существовала вне национально-культурной традиции и национальной религии (православия). Причину этого он видит в переводе на церковнославянский язык и Библии, и богослужений, и, как следствие, в отрыве от европейской латиноязычной культуры. У Бердяева в «Русской идее» принципиально иное понимание природы интеллигенции – он считает, что «интеллигенция была русским явлением и имела характерные русские черты» [Бердяев, 1971, с. 28], ей присущи качества подлинной русской души, имеющей религиозную православную основу. Но нужно учитывать, что это уже позднее определение интеллигенции у Бердяева. В трактате «Истоки и смысл русского коммунизма», ориентированном на западного читателя, Бердяев указывает, что «русская интеллигенция» ни в коем случае не может быть отождествлена с западными *intellectuels*, которые скорее могли быть соотнесены с русским «образованным классом» [Бердяев, 1955, с. 50]. Бердяев определяет интеллигенцию как «идеологическую группировку», которая имеет ряд характеристик, свойственных всем ее представителям. Прежде всего, метахарактеристикой интеллигенции, как и в «Русской идее», является ее русскость, поэтому словосочетание «русская интеллигенция» фактически оказывается тавтологией. Обозначив это, Бердяев продолжает, почти дословно повторяя Федотова: характеристиками интеллигенции являются беспочвенность в смысле неукорененности в быте и традициях, но в то же время увлечение социальными идеями, идейность, переродившаяся из-за невозможности реального политического действия в социальную мечтательность; по этой же причине политика у интеллигенции уходила в мысль и литературу [Там же, с. 18].

Второе отличие, связанное с первым, – оценка влияния событий Революции 1917 года на интеллигенцию. В период с 1906 по 1914 г., по мнению Федотова, «интеллигенция растаяла почти бесследно» [Федотов, 1927, с. 179]: одни деятели этой группы увлеклись православным возрождением и стали активными участниками Религиозно-философских собраний, другие – укоренились и обрели почву в строительстве Новой России. Революция, напротив, способствует рождению качественно новой интеллигенции: бывшая интеллигенция, народники и эсеры идут в Церковь. Федотов называет это концом векового маскарада: «...наконец-то поколения “святых, не верующих в Бога”, нашли своего Бога и вместе с Ним нашли себя» [Там же, с. 183]. Интеллигенция, переродившись в Революции, вернулась в русло русской религиозной культуры. Бердяев, напротив, воздерживается от каких-либо различий между «старой» и «новой» интеллигенцией, что вполне согласуется с его определением этой группы как истинно русского феномена.

В статье 1939 г. Бердяев не критикует интеллигенцию, потому что теперь это, по его словам, означает «бить лежачего». По сравнению с органическими сословиями (дворянство, духовенство, купечество) интеллигенция оказывается практически

безгрешной: она «по-своему искала правды и справедливости, боролась за достоинство человека, за свободу народа, не охраняла никаких классовых интересов и возвышалась над классовой ограниченностью» [Бердяев, 1939а, с. 49]. Как можно заметить, это все та же идейность, переродившаяся в социальную мечтательность, о которой Бердяев говорил в «Истоках и смысле русского коммунизма», однако тут она преподносится в позитивном ключе – как реальная основа для политики и особого рода политического действия, активного отношения к миру. Интеллигенция оказывается у Бердяева единственным социально-культурным образованием, которое способно встать на защиту ценностей христианского гуманизма – свободы, справедливости, милосердия, достоинства личности и др. Больше ни на кого у Бердяева надежды нет. Тем не менее сама интеллигенция взять на себя эту роль не сможет до тех пор, пока не обновится православная церковь – в соответствии с определенными представлениями Бердяева.

К реформе православия: переосмысление соборности

Официальное православие и православную церковь Бердяев критикует за инертность, отсутствие активного деятельного отношения к миру, которое отличало греческую патристику и русскую религиозную философию XIX–XX вв. Бердяев обращается к этим традициям и отмечает, что Ориген, Григорий Назианзин, Григорий Нисский и другие Отцы Церкви свободно высказывались на политические темы, а Хомяков, Достоевский и Соловьев – чуть ли не единственные религиозные философы, кто признавал свободу совести и мысли [Там же, с. 50–51]. Здесь важно отметить, в каком именно смысле признавалась свобода совести и мысли – в «Философии свободы» Бердяев достаточно ярко определяет свободу совести в религиозной жизни человека не как право, а как обязанность, долг: в качестве иллюстрации он приводит именно Достоевского, согласно которому «человек должен вынести бремя свободы, чтобы спастись» [Бердяев, 1989а, с. 193]. Официальное православие Бердяев вслед за Соловьевым критикует, но даже тут выделяет два исключения – Нила Сорского и св. Тихона Задонского. Нил Сорский в «Русской идее» у Бердяева вместе с Иосифом Волоцким являются полярными образами в русском христианстве, и именно Нил Сорский – «сторонник более духовного, мистического понимания христианства, защитник свободы... предшественник вольнолюбивого течения русской интеллигенции» [Бердяев, 1971, с. 11]. В Тихоне Задонском Бердяев особо ценил влияние западного христианского гуманизма [Бердяев, 1936], которого не было даже у одного из самых авторитетных носителей духовности XIX в. Феофана Затворника.

В своем понимании цели реформы православия Бердяев находится под влиянием и католической мысли. Так, в качестве примера, свидетельствующего о наличии свободы слова в католической традиции, он приводит своего многолетнего корреспондента и друга, неотомиста Жака Маритена. В предисловии к изданию их переписки отмечается неоднозначное отношение Бердяева к томизму и неотомизму: будучи врагом всех «школ», он тем не менее позитивно оценивал томистское возрождение, а неотомизм Маритена ценил за его модернистский характер [Оболевич, Маршадье, 2022, с. 22–23]. Также Бердяев подчеркивает гуманистические заслуги папы Пия XI, который умер весной 1939 г., – ему он посвящает некролог, опубликованный в том же номере «Пути» [Бердяев, 1939б, с. 56], что и статья про свободу мысли и совести в православии. В католической церкви свобода слова есть, но для того, чтобы свобода слова существовала и в православии, по мнению Бердяева, необходима иного типа реформа, более последовательная, учитывающая специфику православия.

Первым шагом такой реформы Бердяев называет необходимость признания православием верховенства личной совести на основе иного понимания соборности, включающей в себя свободу духа, личной совести и мысли от влияния, принесенного «царством кесаря». Это требование внутреннего преобразования, преобразования православия Бердяев тесно увязывает с общей тенденцией разделения христианства и его очищения от всего, что не относится к «царству духа», от исторических наслоений и языческих традиций [Бердяев, 1939а, с. 52]. Наряду с первой тенденцией Бердяев выделяет другую – общее одухотворение христианства, в результате которого появляются христиане нового типа, носители нового типа духовности, творческие христиане, стремящиеся к воссоединению и всеединству. Противоречия здесь нет: по мнению Бердяева, среди христианских конфессий именно православие может стать благоприятной почвой для экуменического движения [Бердяев, 1933, с. 80]. «Силу» православия он видит в соборности, но не в ее официально-православном типе, который признает свободу не личной совести, а коллективной [Бердяев, 1939а, с. 52]. Свободы коллектива, по Бердяеву, быть не может, поэтому он возвращается к пониманию соборности А.С. Хомякова, который подчеркивал значение личной свободы, и предлагает иное понимание соборности, близкое к коммюнитарности, свободной общности личностей. Таким образом, соборность православной церкви, основанная на личной совести, оказывается обязательным условием для существования интеллигенции как коммюнитарной общности, защищающей ценности христианского гуманизма и выполняющей культурные задачи иного порядка.

Православная интеллигенция? Вердикт Н.А. Бердяева

Христианин нового типа, творческий христианин у Бердяева наделяется чертами интеллигента: «...дать творческий ответ на социальные проблемы наших дней» [Бердяев, 1939а, с. 53] – это изначально задача интеллигента, который стоит на защите справедливости по своему определению. Вместо интеллигентской правды у Бердяева теперь христианская правда, а вместо правого и левого – христианская политика, которая признает верховенство гуманистических ценностей и выступает против исторических наслоений, привнесенных «царством Кесаря» [Там же, с. 54].

К православию эксплицитно в статье 1939 г. Бердяев так и не возвращается, имплицитно же можно сделать вывод о том, что в его понимании христианская интеллигенция *возможна*: уверенность Бердяева в этом вопросе настолько сильна, что для него христианская интеллигенция – это практически тавтология, как и выражение «русская интеллигенция». Православная же интеллигенция возможна, только если официальное православие пойдет по пути реформ, избавится от влияния Царства Кесаря в пользу принятия Царства Духа. Цель этих преобразований в том, чтобы приблизиться к истинному смыслу христианства – творческому, который должен быть возрожден духовным подвигом личности во времени истории и культуры.

Список литературы

Бердяев, 1905 – *Бердяев Н.А.* О новом религиозном сознании (Д. Мережковский) // Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 147–188.

Бердяев, 1916 – *Бердяев Н.А.* Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1916. 358 с.

Бердяев, 1933 – *Бердяев Н.А.* Вселенскость и конфессионализм // Христианское воссоединение. Экуменическая проблема в православном сознании. Сборник статей. Париж: YMCA-Press, 1933. С. 63–81.

- Бердяев 1936 – *Бердяев Н.А.* Об авторитете, свободе и человечности // Путь. 1936. № 50. С. 37–49.
- Бердяев, 1939а – *Бердяев Н.А.* Существует ли в православии свобода мысли и совести? // Путь. 1939. № 59. С. 46–54.
- Бердяев, 1939б – *Бердяев Н.А.* Памяти папы Пия XI // Путь. 1939. № 59. С. 55–56.
- Бердяев, 1955 – *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-Press, 1955. 160 с.
- Бердяев, 1971 – *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж: YMCA-Press, 1971. 259 с.
- Бердяев, 1989а – *Бердяев Н.А.* Возрождение православия // Типы религиозной мысли в России. Париж: YMCA-Press, 1989. С. 242–301.
- Бердяев, 1989б – *Бердяев Н.А.* Философия свободы // Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 10–250.
- Бердяев, 1994 – *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
- Бердяев, 2022 – *Бердяев Н.А.* Самопознание. М.: АСТ, 2022. 480 с.
- Бердяева, 2002 – *Бердяева Л.Ю.* Профессия: жена философа / Сост., авт. предисл. и коммент. Е.В. Бронникова. М.: Молодая гвардия, 2002. 262 с.
- Бычков, 2008 – *Бычков С.С.* Конфликт в Свято-Сергиевском Богословском институте (1939 г.) // *Федотов Г.П.* Собр. соч.: в 12 т. Т. 12: Письма Г.П. Федотова и письма различных лиц к нему. Документы. М.: Тэтис Паблишн, 2008. С. 262–378.
- Войтенко, 2018 – *Войтенко А.А.* «Может быть, этот скандал на целые месяцы». Этапы и итоги конфликта Г.П. Федотова с Правлением Богословского института в Париже в 1939 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. № 6. С. 94–106.
- Гапоненков, 2023 – *Гапоненков А.А.* Эпистолярный диалог С.Л. Франка и Н.А. Бердяева // Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2023. С. 16–43.
- Ермичёв, 2013 – *Ермичёв А.А.* Дискуссия о целях Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества осени 1908 г. и ее завершение в феврале 1917 г. // Вопр. философии. 2013. № 2. С. 114–128.
- Макарова, 2023 – *Макарова, А.Ф.* Консерватизм Николая Бердяева: свобода преобразования традиции // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. № 47. С. 69–88.
- Оболевич, Маршадье, 2022 – *Оболевич Т., Маршадье Б.* Н.А. Бердяев и Жак Маритен: дар дружбы // Великая дружба: переписка Жака и Раисы Маритен с Н.А. Бердяевым / Ред. и пер. Т. Оболевич, Б. Маршадье. Zielona Góra: Uniwersytet Zielonogórski, 2022. С. 5–36.
- Павлов, 2022 – *Павлов И.И.* Н.А. Бердяев и интеллектуальная история православия: предварительные замечания // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5. № 1. С. 88–99.
- Павлов, 2023 – *Павлов И.И.* Понятие «новое религиозное сознание» как политическое действие: к вопросу о влиянии идей Д.С. Мережковского на развитие философии Н.А. Бердяева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. № 105. С. 83–97.
- Половинкин, 2017 – *Половинкин С.М.* Н.А. Бердяев и православие // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. № 3. С. 142–148.
- Федотов, 1927 – *Федотов Г.П.* [Богданов Е.]. Трагедия интеллигенции // Версты. 1927. № 2. С. 145–184.
- Klépinine, 1978 – *Klépinine T.* Bibliographie des œuvres de Nicolas Berdiaev. Paris: Institut d'études slaves, 1978. 160 p.
- Obolevitch, 2020 – *Obolevitch T.* Between Russia and the West. An Interview on Nikolai Berdyaev. Sourzh. 2020. Vol. 112. P. 72–73.

The Ideological Foundations of the “Orthodox Intelligentsia” Project by N.A. Berdyaev*

Alina A. Zhukova

School of Philosophy and Cultural Studies. International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue. HSE-University. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: aazhukova@hse.ru

This article is devoted to the “Orthodox intelligentsia” project by N.A. Berdyaev. The question of the possibility of its existence was raised by Berdyaev in the article “Does Freedom of Thought and Conscience Exist in Orthodoxy?” (1939), published in defense of G.P. Fedotov in the situation of his conflict with the St. Sergius Institute. The aim of the paper is to identify what ideological foundations underlie Berdyaev’s project of a new spirituality, the bearer of which should be the intelligentsia. The author of the paper applies the methodology of intellectual history, which allows considering Berdyaev’s “Orthodox intelligentsia” project as a way of substantiating the creative meaning of Orthodoxy and the need to reform the church community on a different meaning of sobornost, which should include the values of Christian humanism. The article examines Berdyaev’s historiosophic arguments that allow him to affirm the spiritual and cultural significance of the phenomenon of the intelligentsia as the true bearer of humanized creative Orthodoxy. The author concludes that Berdyaev brings the idea of creativity in Christ closer to the cultural tasks of the intelligentsia and insists that an Orthodox intelligentsia is possible only through an inner spiritual reform of Orthodoxy as a religious tradition and the church as a social institution.

Keywords: intellectual history of Orthodoxy, Russian intelligentsia, sobornost, N.A. Berdyaev, G.P. Fedotov, Christian humanism, philosophy of freedom, historiosophy

References

- Berdyaev N.A. O novom religioznom soznanii (D. Merezhkovsky) [About the New Religious Consciousness (D. Merezhkovsky)], *Voprosy zhizni*, 1905, no. 9, pp. 147–188. (In Russian)
- Berdyaev N.A. *Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka* [The Meaning of the Creative Act]. Moscow: G.A. Leman and S.I. Saharov Publ., 1916. 358 p. (In Russian)
- Berdyaev N.A. Vselenskost’ i konfessionalizm [Ecumenism and Confessionalism]. In: *Khristianskoe vossoedinenie. Ekumenicheskaya problema v pravoslavnom soznanii. Sbornik statej* [Christian Reunification: an Ecumenical Problem in the Orthodox Consciousness]. Paris: YMCA-Press, 1933, pp. 63–81. (In Russian)
- Berdyaev N.A. Ob avtoritete, svobode i chelovechnosti [About Authority, Freedom and Humanity], *Put’*, 1936, no. 50, pp. 37–49. (In Russian)
- Berdyaev N.A. Sushchestvuet li v pravoslavii svoboda mysli i sovesti? [Does Freedom of Thought and Conscience Exist in Orthodoxy?], *Put’*, 1939, no. 59, pp. 46–54. (In Russian)
- Berdyaev N.A. Pamyati papy Pius XI [In Memory of Pius XI], *Put’*, 1939, no. 59, pp. 55–56. (In Russian)
- Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origin and Meaning of Russian Communism]. Paris: YMCA-Press, 1955. 160 p. (In Russian)
- Berdyaev N.A. *Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoj mysli XIX veka i nachala XX veka* [The Russian Idea. The Main Problems of Russian Thought of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century]. Paris: YMCA-Press, 1971. 259 p. (In Russian)
- Berdyaev N.A. Vozrozhdenie pravoslaviya [The Revival of Orthodoxy]. In: *Berdyaev N.A. Tipy religioznoj mysli v Rossii* [Types of Religious Thought in Russia]. Paris: YMCA-Press, 1989, pp. 242–301. (In Russian)

* This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

Berdyayev N.A. *Filosofiya svobody* [The Philosophy of Freedom]. In: *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of the Creative Act]. Moscow: Pravda Publ., 1989, pp. 10–250. (In Russian)

Berdyayev N.A. *Filosofiya svobodnogo dukha* [The Philosophy of the Free Spirit]. Moscow: Respublika Publ., 1994. 480 p. (In Russian)

Berdyayev N.A. *Samopoznanie: Opyt avtobiografii* [Self-Knowledge: An Essay in Autobiography]. Moscow: AST Publ., 2022. 480 p. (In Russian)

Berdyayeva L. *Professiya: zhena filosofa* [Profession: Philosopher's Wife], ed. by E.V. Bronnikova. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2002. 262 p. (In Russian)

Bychkov S. Konflikt v Svyato-Sergievskom Bogoslovskom institute [The Conflict in St. Sergius Institute]. In: Fedotov G.P. *Sobranie sochinenii v 12 t. T. 12. Pis'ma G.P. Fedotova i pis'ma razlichnykh lic k nemu. Dokumenty* [Complete Works in 12 vol. Vol. 12. G.P. Fedotov's Letters and Letters of Various Persons to him. Documents]. Moscow: Tetis Publishing, 2008, pp. 262–378. (In Russian)

Ermichyov A. Diskussiya o celyah Sankt-Peterburgskogo Religiozno-filosofskogo obshchestva oseni 1908 g. i ee zavershenie v fevrale 1917 [The Debate About the Goals of St. Petersburg Religious-Philosophical Society in Autumn 1908 and its Completion in February 1917], *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2013, no. 2, pp. 114–128. (In Russian)

Fedotov G. [Bogdanov E.]. Tragediya intelligencii [The Tragedy of the Intelligentsia], *Versty* [Miles], 1927, no. 2, pp. 145–184. (In Russian)

Gaponenkov A. Epistolarnyj dialog S.L. Franka i N.A. Berdyayeva [Epistolary Dialog of S.L. Frank and N.A. Berdyayev]. In: *Nikolaj Berdyayev: epistolarnyj razgovor. Arhivnye materialy* [Nikolaj Berdyayev: Epistolary Conversation. Archival Materials], ed. by T.G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN Publ., 2023, pp. 16–43. (In Russian)

Klépinine T. *Bibliographie des œuvres de Nicolas Berdiaev*. Paris: Institut d'études slaves, 1978. 160 p.

Makarova A. Konservativizm Nikolaya Berdyayeva: svoboda preobrazheniya tradicii [Conservatism of Nikolaj Berdyayev: Freedom to Transform Tradition], *Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta*, 2023, no. 47, pp. 69–88. (In Russian)

Obolevitch T. Between Russia and the West. An Interview on Nikolaj Berdyayev, *Sourozh*, 2020, pp. 72–73.

Obolevich T., Marchadier B. N.A. Berdyayev i Jacques Maritain: dar druzhby [N.A. Berdyayev and Jacques Maritain: the Gift of Friendship]. In: *Velikaya druzhba: perepiska Jacques'a i Raissy Maritain s N.A. Berdyayevym* [The Great Friendship: Correspondence Between Jacques and Raissa Maritain with N.A. Berdyayev], ed. and trans. by T. Obolevich, B. Marchadier. Zielona Gura: Uniwersytet Zielonogórski, 2022, pp. 5–36. (In Russian)

Pavlov I. N.A. Berdyayev i intelektual'naya istoriya pravoslaviya: predvaritel'nye zamechaniya [N.A. Berdyayev and Intellectual History of Orthodoxy: Preliminary Observations], *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropejskij dialog* [Philosophical Letters. Russian-European Dialogue], 2022, vol. 5, no. 1, pp. 88–99. (In Russian)

Pavlov I. Ponyatie “novoe religioznoe soznanie” kak politicheskoe dejstvie: k voprosu o vliyanii idej D.S. Merezhkovskogo na razvitie filosofii N.A. Berdyayeva [The Concept of New Religious Consciousness as a Political Act: Remarks on the Influence of D. Merezhkovsky's Ideas on the Elaboration of N. Berdyayev's Philosophy], *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University]. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie, 2023, no. 105, pp. 83–97. (In Russian)

Polovinkin S. N.A. Berdyayev i pravoslavie [N.A. Berdyayev and Orthodoxy], *Vestnik Russkoj khristianskoj gumanitarnej akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2017, vol. 18, no. 3, pp. 142–148. (In Russian)

Voytenko A. “Mozhet byt'”, etot skandal na celye mesyacy”. Etapy i itogi konflikta G.P. Fedotova s Pravleniem Bogoslovskogo instituta v Parizhe v 1939 godu [“This Scandal Could Last for Months”. Stages and Outcome of the Conflict of G.P. Fedotov with the Board of St. Sergius Orthodox Institute in Paris in 1939], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University], Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018, no. 6, pp. 94–106. (In Russian)